

Гвардии старший лейтенант Ефим Гарбуз на фронте с первого дня Великой отечественной войны. Он командует ротой разведчиков. Много славных дел на счету у этой роты. Разведчики Ефима Гарбуза совершают дерзкие рейды в тыл противника, захватывают населённые пункты, доставляют ценные сведения, приводят пленных. Только в недавних боях они отбили у немцев 5 населённых пунктов и переправу, захватив при этом 15 лошадей, миномёт, 2 пулемёта и 24 пленных.

Уже на третий день войны Ефим Гарбуз был награждён орденом Красной звезды. Сейчас он кавалер ещё двух орденов: Суворова III степени и Отечественной войны.

Фото А. Архипова

На нашем рисунке изображён мост через реку Волхов, взорванный немцами при отступлении из Новгорода. Художник В. Климашин, побывавший в Новгороде через несколько дней после его освобождения Красной Армией, сделал серию рисунков, в которых запечатлел картину варварского разрушения старинного русского города немецко-фашистскими вандалами.

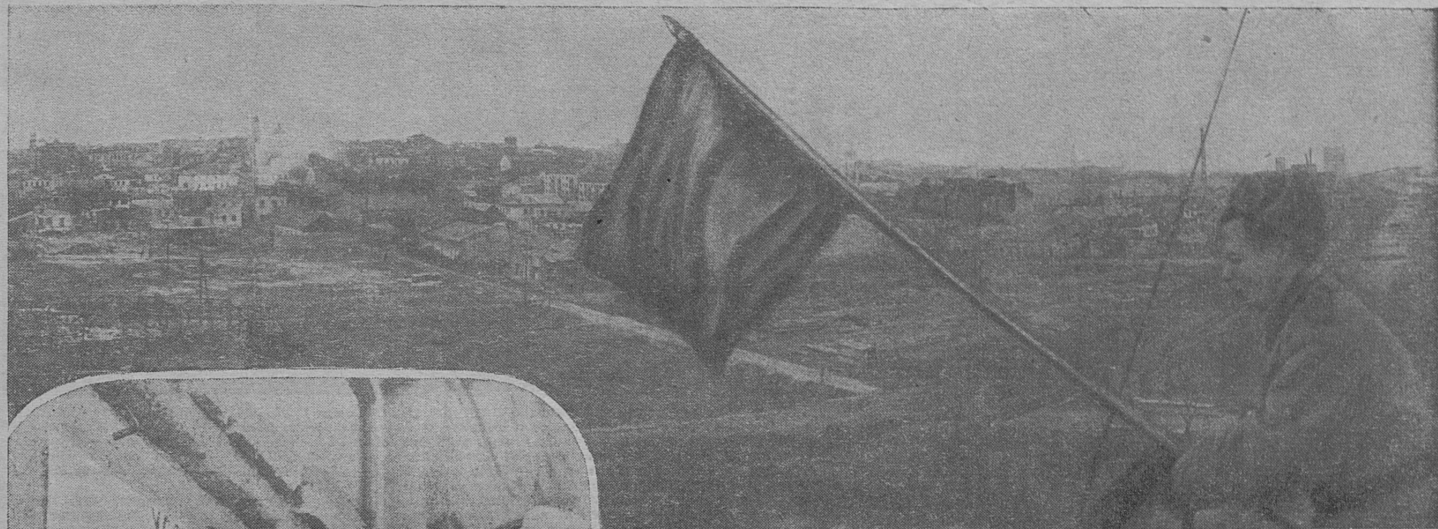
Из 2400 зданий в городе уцелело всего 8, частично уцелело 50. Молчаливые руины обступают древнюю вечевую площадь, хранящую память о победах Александра Невского, Ивана Грозного. Разгромлен памятник тысячелетия России. Разрушены знаменитый Софийский собор, старинная башня — Ефимовская Часовня, башня «Кукуй», Кремлевские палаты...

Пройдёт время, и город залечит свои раны. Он возстанет из пепла и развалин во всей своей красе. Боец Анатолий Чавилихин, одним из первых вошедший в Новгород и погнавший немцев дальше на запад, посвятил городу следующие строки:

На запад мы идём! Прими же наш привет!
Воспрянешь снова ты из пепла и из праха.
Тебе стоять века свидетельством побед
Родного воинства, не знающего страха.

(См. на стр. 8—9 «Господин Великий Новгород»).

ПОБЕДА В НИЗОВЬЯХ ДНЕПРА И БУГА

Ни весенняя распутица, ни бездорожье не могут помешать победному продвижению Красной Армии. Наши войска обрушивают на врага один сокрушительный удар за другим. Прорвав немецкую оборону на Ингульце и форсировав Днепр в его низовьях, войска 3-го Украинского фронта освободили города Херсон, Николаев, Очаков. На наших снимках показан город Херсон в первый день освобождения.

Вверху: общий вид города; на первом плане — лейтенант Н. В. Енюков вывешивает советский флаг. Ниже, слева: прибывший вместе с частями Красной Армии председатель городского совета К. А. Сокирко и секретарь горсовета М. С. Калинчук прибывают вывеску на здании горисполкома. Справа: жители города встречают наших бойцов. Внизу: взорванная немцами паротурбинная электростанция.

Фото В. Иванова (ТАСС).

НА ЛЬВОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Войска под командованием маршала Советского Союза Г. К. Жукова продолжают наносить врагу нарастающей силы удары. О размахе и мощи наступательных боёв на 1-м Украинском фронте говорят цифры огромных потерь немцев с 4 по 31 марта, опубликованные в сообщении Совинформбюро. Противник потерял пленными и убитыми 208 260 человек, танков и самоходных орудий — 2187, орудий — 4602, миномётов — 2676, пулемётов — 8429, автомашин и тягачей — 53 987, бронемашин и бронетранспортёров — 978.

Наши славные пехотинцы, танкисты и артиллеристы, несмотря на непролазную грязь, безостановочно продвигаются вперёд, перерезают коммуникации противника, выбивают его из одного населённого пункта за другим, окружают и уничтожают немецких захватчиков.

На снимках сверху: слева — автоматчики входят в город Збараж (район Тарнополь); справа — танкисты, первыми ворвавшиеся в Збараж; в центре — гвардии капитан В. В. Хорошков. Ниже, слева — танковый экипаж гвардии младшего лейтенанта Сахарова, отличившийся в боях на Львовском направлении; справа — вид на город Збараж. Внизу: на дорогах в районе Тарнополья; слева — разбитые немецкие машины, справа — артиллеристы вытаскивают застрявшую в грязи пушку.

Репортаж специального корреспондента «Огонька» Б. Репина.

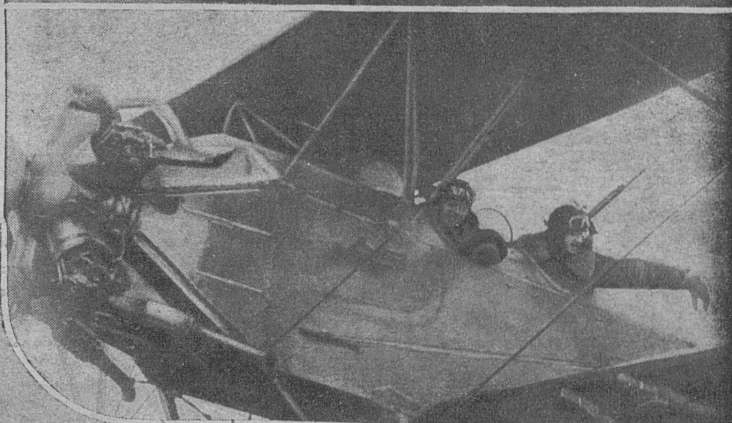

ГОРЮЧЕЕ ДОСТАВЛЕНО В СРОК

По весенней распутице, по размокшим, непроезжим дорогам, не давая врагу передышки, идут вперёд наши войска. Колёса орудий по ступицы увязают в липкой грязи, трудно приходится танкам и ещё тяжелее — людям, нашим самоотверженным воинам.

Большую помощь в условиях бездорожья оказывают наземным войскам в снабжении их горючим и боеприпасами лётчики. На наших фотоснимках показана работа Н-ского авиасоединения. Проскальзывая на своих лёгких «уточках» к самой линии фронта, отважные лётчики день за днём под ожесточённым огнём вражеских зениток выручают наших танкистов, сбрасывая им горючее и снабды.

На аэродроме идёт подготовка к вылёту машин. Механики прикрепляют к самолётам бачки с горючим, грузят ящики с боеприпасами (верхний снимок слева). Младший лейтенант А. Грабовецкий и старший лейтенант Д. Попков (снимок слева) вылетают в очередной рейс. Они должны доставить в Искую часть горючее для самоходных пушек и танков. Самолёт благополучно достиг расположения наших войск. Лётчики сбрасывают бачок с горючим (верхний снимок справа). Парашют раскрылся, и бачок плавно идёт к земле (второй снимок справа).

Лётчики следят за приземлением парашюта. Увидев, что горючее доставлено точно по назначению, лётчики пролетают низко над нашими позициями и приветственно машут танкистам (третий снимок справа). Командир самоходного орудия гвардии лейтенант В. Шкельков радостно благодарит лётчиков (снимок слева).

Репортаж специального корреспондента «Огонька» Б. Решина.

Партизаны выходят из лесов...

Густы и непроходимы леса, болота и топи Полесья. Война столетиями обходила эти места. Мозырские и пинские болота всегда были непреодолимой преградой для армий, ещё не знавших машин. Теперь в полесских чащах грозным эхом отдаются очереди партизанских автоматов, глухие удары взрывов. Это взлетают на воздух тщательно охраняемые немцами мосты на узких редких дорогах.

По дорогам освобождённых белорусских районов то и дело попадаются бастионы, которые — в страхе перед партизанами — немцы воздвигали вокруг своих гарнизонов, охранявших мосты и дороги. Эти сооружения похожи на крепости пугачёвских времён. Бревенчатые стены, земляные валы с бойницами, пулемётные гнезда в окнах. И всё же партизаны рвали мосты, убивали фрицев, которые за этими бастионами пытались, дрожа от страха, править непокорённым белорусским народом.

Ныне партизаны выходят из лесов навстречу наступающей Красной Армии, вливаются в её ряды. На наших снимках вы видите одну из партизанских групп. Много хлопот доставила она немцам за время оккупации Калинковичского района. Эти четверо молодых советских людей работали вместе. Вместе они теперь вступили в армию. Комсомолец Авдей Канаш — старший стрелочник. Андрей Сычёв — студент мединститута. Михаил Отчик — учащийся школы-семилетки. Комсомолец Петя Бондарчук, старшина подрывной группы, — помощник машиниста. Немало подорвали они мостов, подбили немецких машин, уничтожили фрицев на дорогах Белоруссии.

Но борьба ещё не окончена. Подлый враг ещё топчет белорусскую землю. И молодые патриоты продолжают в рядах наступающей Красной Армии борьбу за освобождение Советской Белоруссии от немецких захватчиков.

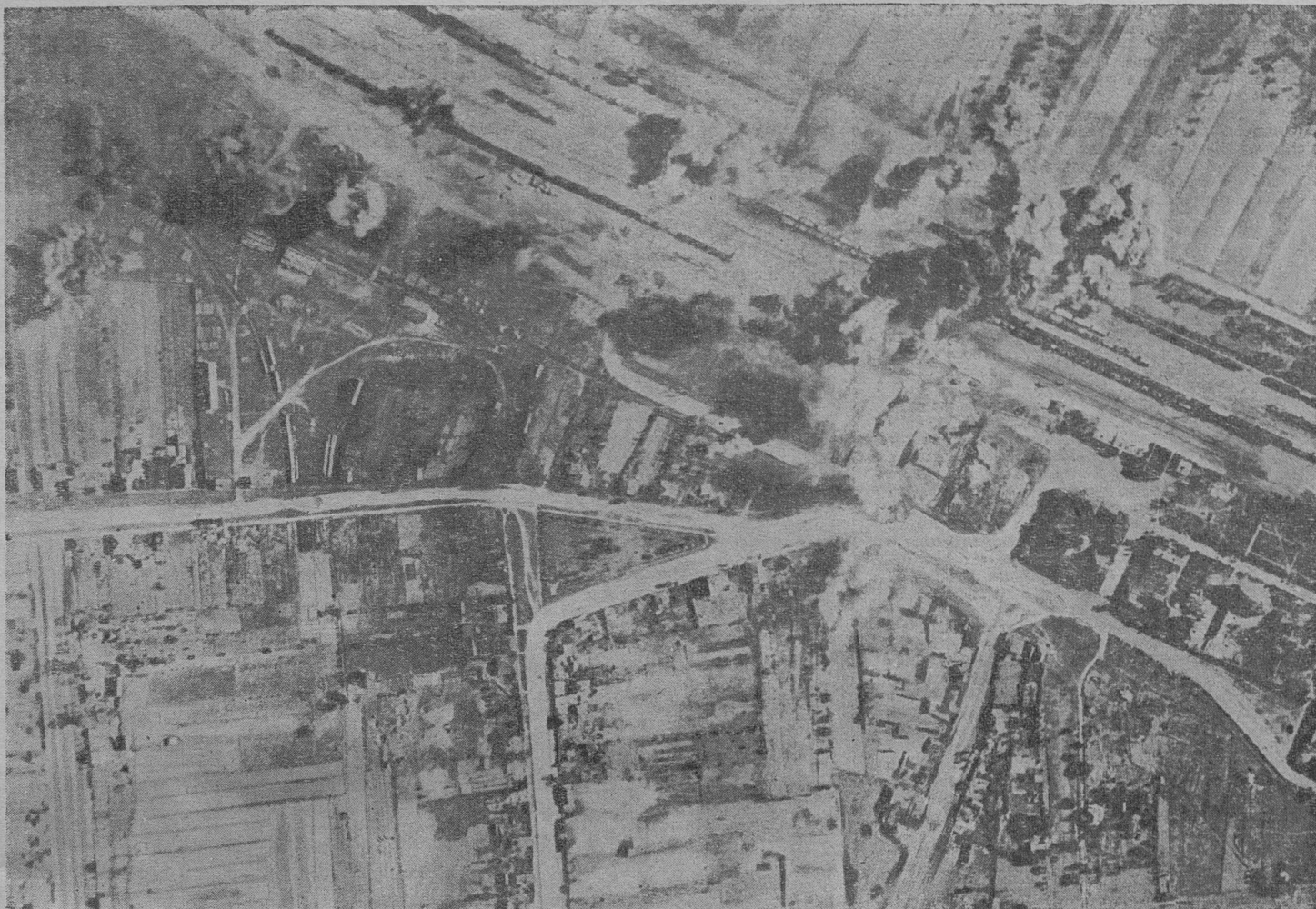

В этих лесах шумела партизанская слава (снимок сверху). Тысячи отважных сынов белорусского народа ушли в мозырские леса на священную борьбу с ненавистными немецкими захватчиками. Вот домик у дороги (ниже). Здесь жили немцы, охранявшие мост. Они превратили домик в крепость. Партизаны перебили немецкую охрану, находившуюся в этой крепости, и взорвали мост. Старшина подрывной группы комсомолец Петя Бондарчук (снимок слева) — активный участник взрыва моста. Студент мединститута партизан Андрей Сычёв (снимок справа) снят на фоне укреплений, построенных немцами вокруг моста. Но укрепления не помогли — мост взлетел на воздух.

Этот танк был подорван партизанами при отступлении немцев (снимок слева). Красная Армия уже ушла далеко вперёд, а танк остался на дороге, как живой свидетель партизанских дел. Взорванный мост — это работа подрывной группы Пети Бондарчука (снимок справа). Первый слева — Бондарчук; рядом с ним — Отчик, Сычёв, Канаш.

Текст и фото лауреата Сталинской премии Р. Кармена.

Результаты налёта наших бомбардировщиков на крупный железнодорожный узел в тылу противника. На путях видны горящие эшелоны. Снимок сделан штурманом самолёта Героем Советского Союза Андреем Крупиным.

— Самая удачная операция? — переспросил полковник. — Тут гадать нечего: полёт десятки Субботина!

...Самолёты легли на курс. Крепкий ветер разогнал тучи, и небо стало глубоким, бездонным. Бомбардировщики шли в безукоризненном строю, как на параде. По бокам девятки, то обгоняя её, то уносясь в стороны, развились быстрокрылые истребители сопровождения. Путь лежал на северо-запад.

Приказ был кратким: разбомбить и закупорить крупную станцию, расположенную в ближнем тылу противника. Майор Павел Субботин отлично понимал всю сложность этого, на первый взгляд, простого задания. Отряду предстояло пролететь 85 километров над территорией, занятой немцами; там из каждого оврага мог плеснуть фонтан смертоносного огня. Сама станция имела очень важное значение и, несомненно, прикрывалась мощной зенитной артиллерией. В километре от вокзала находился аэродром, и утром воздушный разведчик засёк на нём 48 немецких истребителей. И как назло установилась ясная, солнечная погода, при которой спрятаться было невозможно.

Командир ещё с вечера обдумывал план действий. Вместе со своим штурманом Героем Советского Союза Андреем Крупиным он наметил точку прохода линии фронта, места неожиданных поворотов, чтобы сбить с толку наблюдателей, курс выхода на цель, противозенитные маневры, взаимодействие с истребителями прикрытия. По давней привычке он принял во внимание все неожиданности и готовился отразить их хладнокровно и точно. Но всё же он долго не мог заснуть, перебирая в уме намеченный план, уточняя детали, выдвигая мысленно одно препятствие за другим.

И только поднявшись с аэродрома, Субботин успокоился.

ОДИННАДЦАТЬ ЭШЕЛОНОВ

Л. Огнев

За долгие годы авиационной работы бывший уральский плотник провёл в воздухе свыше четырёх тысяч часов, налетал около миллиона километров и чувствовал себя в воздухе спокойно и уверенно. С ним летели опытные, испытанные в сечах товарищи. Правое звено вёл гвардии капитан Михаил Пушин со своим штурманом — старшим лейтенантом Алексеем Царьгородским, левое — лейтенант Александр Гнётов при штурмане Николае Мазуре. Девятка в этом составе уже не раз бомбила тыл противника, успешно решая труднейшие задачи.

Однообразно внизу проплывала земля. Ещё вечером капитан Крупин наметил пересечь линию фронта не на открытом месте, а в центре большого лесного массива, тянущегося на много десятков километров и подходившего почти к самой станции. Легко ориентируясь на знакомой местности, капитан настолько точно вывел девятку в условленный пункт, что вызвал одобрительный радиовзглас дивизионного навигатора:

— Как по нитке!

Самолёты шли над территорией, занятой противником. Острый глаз лётчиков замечал всё: и тоненькие змейки ходов сообщения, и цепочки идущей к фронту пехоты, и крошечные подковки артиллерийских капониров, и колонны автомобилей, похожих на ползущие коробочки. С высоты 2500 метров всё это казалось игрушечным, но лётчики знали, что в любую минуту земля могла извергнуть шквал огня.

Пока же было тихо. Не доверяя необычному покою, Субботин решил продолжать полёт на северо-запад, хотя станция находилась от них в это время прямо на восток. Он знал, что наблюдатели противника уже засекли его курс и высоту, и сознательно вводил их в заблуждение. Так прошли ещё тридцать километров.

— Пора на цель, — предложил штурман.

— Можно, — согласился Субботин.

Сделав резкий разворот на восток, одновременно снизился на 700 метров. Если бы их сейчас и обстреляли, то зенитные батареи вели бы расчёт, исходя из старых данных, и снаряды рвались бы высоко над отрядом. Кроме того благодаря маневру Субботина самолёты приближались к станции не с фронта, а с тыла, притом со стороны солнца, и заметить их было труднее.

Впереди смутно вырисовывались станционные постройки.

Это была цель. Она приближалась с каждой минутой. Субботин уже ясно различал здание депо, различные службы, дымки паровозов. Впереди он увидел и гладкое широкое поле немецкого аэродрома и с тревогой ждал атаки истребителей и привычных пятен зенитных разрывов.

— Боевой курс! — властно потребовал штурман.

Субботин вёл свой самолёт, как говорят лётчики, по команде «смирно!», выдерживая идеальную прямую. Сейчас ничто: ни ураганный огонь с земли, ни атаки вражеских истребителей, ни пожар, ни ранение — не могло заставить его изменить курс или высоту. Самолёт шёл на цель!

Андрей Крупин принял к прицелу. Внизу виднелись пути, забытые поездами. Эшелоны стояли всюду, на всех путях; один кончается, начинается другой. Но всё это проплывало как-то мимо сознания. Взяв за точку прицеливания центр стан-

ни, штурман быстро производил расчёты. Высота, скорость, ветер, снос. Ясно!

— Пора!

Бомбы пошли вниз. Они падали одна за другой, с интервалами в полсекунды. Чтобы обеспечить точность удара, штурман каждого звена прицеливался самостоятельно. Вниз летели 50-килограммовые бомбы. Тяжело оторвались массивные 250-килограммовые; на каждой из них стояло клеймо немецкой фирмы. Эти бомбы были недавно захвачены нашими наступающими войсками и теперь рвали в клочья немецкую же технику.

— Подавитесь своими! — назидательно сказал Крупин, наблюдая за результатами операции.

Станцию заволочило дымом и пламенем разрывов. Много раз летали экипажи на бомбёжку, но никогда ещё не видели такого точного попадания. Бомбы падали на пути, на эшелоны, на постройки. Две бомбы, брошенные Мазуром, упали в лесочке около вокзала, и к нему вознёсся огромный столб огня и дыма: взлетел на воздух склад боеприпасов.

Но любоваться было некогда: с земли яростно ударили зенитки. Лишь после лётчики узнали причину такого запоздания. Оказалось, что в тот момент, когда наша девятка приближалась к станции, на аэродром возвращалась из полёта большая группа немецких бомбардировщиков. Садясь, они препятствовали взлёту своих истребителей, а гул их моторов помешал наблюдателям своевременно услышать наши самолёты. Заметить девятку глазом было очень трудно, так как мешало солнце: расчёт Субботина был верным. И немецкие зенитчики спохватились только тогда, когда начали рваться первые бомбы.

Снаряды рвались впереди, сзади, с боков. Большинство разрывов дождилось выше — чувствовалось, что зенитчики действительно сбивы с толку и не могут взять правильного прицела. Но самолёты шли над ними, и с земли могли в любой миг установить истинную высоту полёта. Однако Субботин продолжал как ни в чём не бывало вести свой корабль строго по прямой: нужно было сфотографировать результаты налёта. Как бы удачно ни была проведена операция, командир гвардейского полка не засчитывал полёта, если штурман не выкладывал на стол беспристрастное свидетельство фотоаппарата.

Капитан включил аппарат. Потянулись мучительные секунды: три, пять, десять, пятнадцать, двадцать...

— Готово! — весело крикнул Крупин.

— Поворачивай к дому.

— Как бомбы? — быстро спросил лётчик.

— Хорошо!

Субботин резко увеличил скорость, круто повернул налево, затем направо, снизил высоту. Эти эволюции спутали расчёты немецких зенитчиков. Снаряды рвались далеко за хвостом. Вскоре самолёты совсем вышли из зоны обстрела. Все были живы, машины целы. Обратный путь протекал благополучно. Ещё через час отряд в полном составе опустился на своём аэродроме.

Утром фотолаборант проявил плёнку. Превосходные снимки зафиксировали результат налёта: эшелоны на всех путях, большие и малые разрывы бомб, горящие склады и пакгаузы. Опытные дешифровщики, изучая в лупу снимок, подсчитали, что налётом уничтожено несколько паровозов, до 50 вагонов, разрушены склады и подъездные пути, выведены из строя входные и выходные стрелки.

Станция была закупорена!

* * *

— Через неделю наши войска выбили немцев с этой станции, — рассказывал мне полковник Александр Якобсон. — Вместе со штурманом Крупинным я полетел на «У-2» посмотреть своими глазами результаты налёта. Вид станции ошеломил нас. Повсюду валялись сгоревшие вагоны, перевернутые цистерны, искалеченные танки и автомобили, пути были исковерканы и рельсы скручены в баранку.

Железнодорожники, бывшие свидетелями налёта, рассказали полковнику, что появление советских самолётов явилось полной неожиданностью для немцев. Станция была забита эшелонами и боеприпасами, танками, взрывчатыми веществами. Бомбы ложились очень точно.

Взрывы продолжались весь вечер, ночь и утро следующего дня. Станция была надёжно выведена из строя: за всю неделю немцы не пропустили через неё ни одного состава. Отступая, они не смогли вывезти по железной дороге ни награбленного имущества, ни своей техники, ни складов и были даже вынуждены оставить на базах триста тонн первосортного бензина.

Таковы действительные итоги одного гвардейского налёта.

КЛЯТВА НА ВЕРНОСТЬ НАРОДУ

Фото М. Калашникова

«Смерть фашизму! Свобода народу!» Эти слова начертаны на знамени Югославской добровольческой венской части в СССР. В торжественной обстановке часть получала знамя и принимала присягу. Известный общественный деятель Югославии Велимир Влахович по полномочию главнокомандующего Югославской народно-освободительной армии маршала Броз-Тито вручил знамя подполковнику Марко Месич — командиру части (первый снимок сверху). После этого был зачитан текст присяги. Солдаты и офицеры повторяли за своим командиром слова торжественной клятвы верной службой своему народу. Они поклялись не выпускать из рук оружия до тех пор, пока Югославия не будет очищена от оккупантов. Знаменосцы в сопровождении почётного караула пронесли перед строем знамя части (второй снимок). В заключение состоялся парад. Перед трибунами прошли автоматчики, пулемётчики, миномётчики, артиллеристы (нижний снимок).

Иван Палиница подошёл к воде, зачерпнул её пригоршней и провёл рукой по вспотевшему лбу. Вода была холодная и овежила его.

Километрах в пяти выше шёл бой. Наша разведка отвлекала внимание немцев. Переправлялись части в нескольких местах, начиная от того изгиба Днепра, где стоял Палиница. Немцы пытались раскрыть манёвр и были по всему берегу, где он казался им подозрительным.

Поболтав рукою в воде, Палиница так произнёс:

— Долго ты под немцем томился. Понимаю: тяжело было украинской реке. А людям ещё страшнее.

Палиница вздохнул и направились к своему подразделению. Бойцы отдыхали в кустарниках, дремали на берегу, ожидая очереди переправляться.

— Это ты, Палиница? — спросил боец Набоков.

— Я! Ходил поздороваться с Днепром. На том берегу у меня жинка и дети.

— Она, небось, и галушек наварила для встречи с тобой. Эх, вот бы покушать галушек или ухи с рыбой! Правда, Палиница?

— Вряд ли, чтоб жинка от немца живую душу спасла. Видел, какой он безжалостный, проклятый, к нашему народу? — сказал Палиница.

Он стоял и вглядывался в чёрную стену ночи. Чуть осветилась под берегом вода, но ни одного огонька не было видно на этой стороне реки. Но вот из темноты выступил командир подразделения лейтенант Бутримов:

— Отдохнули, товарищи? Ещё один — два рейса катера — и тогда мы... А это кто стоит?

— Это я, боец Палиница.

— Почему вы не отдыхаете?

Палиница ответил:

— Мои ноги привычны, товарищ лейтенант. Нравится мне своими ногами по земле ходить. Я хотя и рыбак был, а землю люблю.

Неожиданно немец начал посылать снаряды на переправу. Один снаряд разорвался под берегом, Палиница припал к земле.

Вдруг снаряды начали рваться у пристани. Катер зашумел винтом и потащил паром вверх против течения, чтобы точнее пристать к тому берегу.

— Вставай, подтягивайся к переправе! — скомандовал лейтенант и, подождав немного, пошёл вперёд.

Днепр посерел в пусклом осеннем рассвете. Бойцы стояли на берегу и разговаривали о своих делах. Палиница молчал.

...Если считать и днепровскую водную преграду, то до родного села было километров семь. Но попробуй туда добраться! Немцы снова ударили выше переправы, вода взлетала вверх фонтанами. Один снаряд попал в почтовый паром, нагруженный пушками, перебил буксир и опрокинул паром, который пошёл на дно. А надо было непременно перебросить на тот берег ещё не мало разного снаряжения и группу автоматчиков.

Майор приказал вытянуть паром из воды. Но в том месте, где потонул паром, глубина была почти четыре метра.

— Не вытянешь — отдыхать парому на дне, — тихо произнёс кто-то из красноармейцев.

— Позвольте мне, товарищ майор, закрепить канат на потопленном пароме. Я ему на дне уздечку надену, ещё и взвзвздаю, — сказал Палиница.

— Каким образом?

— Старым запорожским способом. Я пробуду в воде столько времени, сколько нужно, чтобы укрепить канат или трос на пароме и на пушках. Только мне надо для этого...

Палиница пояснил, что ему нужно пять или шесть противогазов, да чтобы точно указали место, где затонул

Александр Копыленко

Рассказ

паром, да чтобы там спустили его с катера и дожидались, пока он будет под водою.

— И ещё, если можно, разрешите, товарищ майор, перед спуском под воду, хлебнуть немного простой нашей водки... Старые днепровские люди рассказывают, как хитро поступал запорожец, когда ему нужно было перебраться в воде, чтобы враг не заметил. Тогда казак брал длинную камышину в рот и дышал через неё... А я придумал немного иначе: отрежу и соединю пять или шесть гофрированных трубок от противогазов, надену противогаз с такой длинной трубкой и буду дышать на дне, сколько мне нужно. А конец трубки будет на поверхности воды, чтобы проходил воздух...

Майор приказал немедленно приготовить противогаз с длинной трубкой и спустить Палиницу на дно.

— Я буду ждать здесь, — сказал майор и взглянул на часы. — Что вы делали до войны, товарищ Палиница?

— Тут, на этом самом месте, рыбу в Днепре с артелью ловил. Возле земли в колхозе трудился. На простой работе был. На той стороне село Зелёная Долина, так там у меня жинка осталась, Христа, и сын с нею, теперь уже двенадцати лет. Корней Палиница, да дочка, сейчас уже восемь лет, Настуся Палиница. Может, придётся и взглянуть на них, раз уже к родным местам пробился...

Майору доложили, что всё готово. Палиница попросил разрешения сесть в катер и заявил:

— Через полчаса паром будет на воде, товарищ майор.

— Желаю успеха.

Через тридцать шесть минут Палиница спрыгнул с парома на берег.

— Я доволен вашей работой, товарищ Палиница, — сказал майор и крепко пожал мокрую, холодную руку бойца.

2

Земля на правом берегу Днепра весь день пылала огнём, тяжело дышала, как бы плавилась в огромном горне. Каждый метр плавидарма простреливался врагом, и склоны холмов были густо усеяны воронками от снарядов и мин.

В окопчике, за насыпью рыжеватой земли, лежал Иван Палиница и всматривался в даль. С самого рассвета начался горячий день военного труда. Вражеская артиллерия и миномёты вели густой и надоедливый огонь. Земля неохотно расступалась при взрывах, и внизу глухим эхом отдавалась вода.

Палиница положил шёку на бурый прохладный бугор и прошептал:

— У тебя, земля, каждая малая комашка при деле и каждый тоненький корешок выполняет свою работу. Человек тревожит твой покой огнём и железом. И как же иначе, когда надо освободить тебя для народной пользы! Ты стала на войне моею крепостью, а я, быть может, на каждом километре дороги оставил по вражескому трупу. Сколько это будет немцев, битых моей рукою, а? Наверное, немало, и ещё будет, я ведь о смерти не думаю...

— Ты, что, Палиница, молитву читаешь? — спросил незаметно подползший Набоков.

— А ты всё смеёшься? — сказал Палиница.

— От смеха душа свежее, — и бойцы вместе начали крутить дыгари. — Ну, нашёл свою тёплую хату? Галушек жинка наварила?

— Не видно! Хата в долине, у самой дороги. И глядеть боязно. Всю войну прошёл, а сегодня вроде страшно мне стало. Всё сжимает и уничтожает немец. А без жинки какая жизнь? Без детей же в хате и вовсе свет тёмный! Мне бы узнать, живы ли они...

Лейтенант Бутримов появился среди бойцов и сказал:

— Мы с вами, товарищи, сегодня десантной группой двинемся на танках, чтобы расчистить передний край врага. Из села немцы уже выбиты неожиданной атакой, но заняли оборону с той стороны, под горою. Вот мы и зажёмем немцев с двух сторон. Нужно гнать их, не давать им дышать на нашей земле.

— Точно, — согласились бойцы.

— За мной, товарищи! Не сосредотачиваться густо! — скомандовал лейтенант и пошёл к танкам.

3

Артиллерия давала огонь вперёд, чтобы прошибить передний край обороны врага. От свиста снарядов, казалось, самый воздух раскалывался и звенел, как разбитое стекло.

Мины вгрызались в землю впереди, с боков и позади танка, на броне которого примостился Палиница, рядом с Набоковым.

Сделав кругой разворот, танк подпрыгнул, потом рванул с места, очутился в ложине и на полную скорость вылетел на улицу села.

Нетерпение Палиницы обгоняло машину. Он напряжённо смотрел вперёд. Палиница не узнал места, где был колхоз «Светлая жизнь», где стояли школа, сельсовет и клуб. Всё было разбито, мертво.

Несколько трупов селян валялись на выгоне. Повернуть голову и взглянуть в другую часть села, которая спускалась к Днепру, Палиница не решался. Он так и сидел, не сводя глаз с трупов, пока поблизости не ударил вражеский пулёмёт. Тонкая струйка огня вырывалась из-под угла знаковой Палинице соседской хаты. Танк поехал туда два снаряда — и пулёмёт замолчал.

И теперь Палиница увидел поникий тополь, сад и стены своей хаты. Хозяйским глазом он сразу заметил, что сарай во дворе нет, соломенную крышу позеленела от мха, ворота, которые он сам ставил перед войной, снесены, исчез и сын.

«С дровами тяжело! — Христа сожале. А где же люди?» — подумал Палиница.

Танк приблизился к двору. Палиница приподнялся, заглядывая во двор. Набоков дернул его за шинель и что-то крикнул. Под деревьями, возле хаты, у земляной щели, стоял белоглазый хлопец в белой сорочке и махал пионерским галстуком как флажком. Хлопец радостно выкрикивал слова приветствия, но голоса его не было слышно.

Палиница так и рванулся к хлопцу, протягивая руки. Танк уже промчался, а Палиница всё кричал сквозь гром металла, взрывы и пулёмётную трескотню:

— Пригнись, сынок! Слышишь, Корнейка? Пригнись, говорю тебе! Разбаловался без отца! А где мать с Настусей, а? Да пригнись же, разбойник! Смотри, закончу с немцем сейчас — с тобой поговорю, будешь ты знать у меня!

...Промчался танк. Исчез Корнейка за стеною пыли, а Палиница всё ещё грозил сыну пальцем. Набоков прокричал товарищу над ухом:

— Иван, галушки остыли!

— Ничего, дождём до немецкой земли, вареников наварим! — крикнул в ответ Палиница и, уже не глядя в сторону своей хаты, добавил: — Давай, гоми! На ходу жизнь веселее!

Перевёл с украинского
Т. СТАХ

В СТРОЮ

Александр Решетов

Огонь войны в моей душе не выжёт

Ни нежных чувств,

Ни дорогих имён.

Был тёмный путь!

От орудийных вспышек

Мгновенным блеском озарился он.

И в этот миг, взнесённые высоко,

Предстали этажи передо мной.

И глянули ряды дрожащих окон

С огромных стен, израненных войной.

Рванулось сердце, ожидая знака,

Но мы в строю,

И всё, что мне дано, —

Средь тысяч окон, глянувших из мрака,

Лишь различить заветное окно

И прошагать в ночи весенней мимо,

Во имя встреч благословляя ту,

Что в этот час, тоской немой томила,

В грохочущую смотрит темноту.

НА ГОРЕ ВЫСОКОЙ

С. Марголис

В городе Нижнем Тагиле много талантливых тружеников, рабочих-творцов, которые с каждым днём всё выше поднимают славу Урала-оружейника.

Талант известного рудокопа Ивана Завертайло, лауреата Сталинской премии, вырос в соревновании с его младшим другом — Степаном Ерёмченко.

Высокогорцы охотно расскажут вам, как приехал Степан на Урал с Украины, каким он был тогда обыкновенным парнишкой и какую силу дала ему уральская земля в лихую годину войны. Вы услышите ставшую уже почти сказочной историю Жуковской штольни, где впервые встретились в дружеской битве, в соревновании, два рудокопа — Степан Ерёмченко и Иван Завертайло.

С Украины Ерёмченко, и верно, приехал обыкновенным парнишкой. Но в сердце хранил Степан драгоценное чувство — большую и верную любовь к своей профессии. Потомственный рудокоп, он с пятнадцати лет пошёл в шахту. Трудно было сменить жизнь школьника на суровый труд рудокопа. Но разве его заставляли? Наоборот, мать решительно протестовала, и Степан первое время вынужден был скрывать от родных, что бросил школу. Он брал учебники и шёл в училище, потом спускался в шахту. Приходил домой и сразу же — спать.

Домашние беспокоились: что это со Степаном? Такой был непоседливый! Родители не хотели, чтобы их сын шёл по трудному пути отца и деда, они мечтали об ином. Ведь перед мальчиком открыта любая дорога. Но он сам избрал себе путь, об ином и слышать не хотел.

Весной сорок первого года, когда

двадцатилетний Степан прослыл уже опытным горняком, из Криворожья на Урал была направлена группа проходчиков. Он попал в эту группу.

Город, подобно человеку, имеет свой облик, свой характер. Вывают люди со скромной, суровой внешностью и богатой, сильной душой. Таков и город Нижний Тагил. Душа его — могучие железные недра, богатейшая индустрия.

Грудь этого города, труженика и воина, дышит напряжённо и жарко. Каких только подарков не шлёт он фронту! Любителю южной экзотики, может, и не по вкусу пришлись бы суровый облик Тагила, скромные его улицы. Но каждому из нас дорога его индустриальная мощь. А насчёт своеобразной красоты уральского пейзажа спорить не приходится. Жуковская штольня, ставшая ареной богатейшего соревнования двух друзей, проходит среди поросших зелёною каменистых гор. Это — одно из живописных мест в окрестностях Тагила.

Степан пришёл сюда в начале войны. Он был уже соевзрелым мастером. Опыт работы в шахтах Криворожья обогатился опытом, добытым в новых условиях, на горе Высокой. На руднике вступала в строй новая обогатительная фабрика. Ей нужна была руда, именно такая, которая залегает в районе Жуковской штольни. У штольни надо было расширить сечение. Работа предстояла трудная, темпы требовались жаркие. Степан понимал, что от его работы будут теперь прямо зависеть и деятельность обогатительной фабрики, и план металлургического завода, и судьба тех предприятий, что превращают металл в боевую продукцию.

С первых же дней работы в этой штольне Ерёмченко стал выполнять задание на 300—400 процентов. Однако он чувствовал в себе ещё больше силы, видел ещё большие возможности.

— Идётся, бывало, на работу, так заранее жарко, — смеясь, рассказывал Степан.

Узнав, что проходчик Ерёмченко дал 430 процентов плана, партгор горы Высокой Осипов немедленно приехал в штольню с начальником рудоуправления и главным инженером рудника. Степан заявил им, что его рекорд — не предел, что 430 процентов — совсем не так много, что коэффициент полезного действия шпуров низок, взрывы идут плохо... Партгор и представители рудоуправления обещали Жуковской штольне свою энергичную поддержку.

В те дни сюда пришёл и Завертайло. В его родимом Кривом Роге хазяйничал враг. Иван приехал на Урал сражаться за Украину. Так же, как и Ерёмченко, он был полон сил. Неправда, к немцам, прогнавшим его и тысячи других украинцев с родной земли, душила этого большого молчаливого человека.

Однажды к концу смены рудник облетела весть: «У высокогорцев есть свой тысячник!» Ерёмченко выполнил план на тысячу процентов. После этого рекорда Завертайло ходил сам не свой. Размышлял, прикидывал... Через несколько дней он дал 1200 процентов.

Весь рудник жил их соревнованием. Люди с нетерпением ожидали свежего номера многогражки, чтобы узнать, что происходит на Жуковской, кто нынче впереди — Завертайло или Ерёмченко. Справосность и мужественность этого соревнования захватывали, волновали людей. Тысячники стали появляться и в других цехах.

Ерёмченко — 1700, Завертайло — 2100; Ерёмченко — 3100, Завертайло — 3300. И так день за днём. Кривая неизменно шла вверх.

Завертайло первый применил в штольне многозабойное обустройство.

«Вот уж теперь, — думал он, — обогнать Степана!» Но Ерёмченко готовился к новым боям. Он взялся обустроить за смену двадцать три забоя. Иван ждал его дома. Первый вопрос был: «Сколько?» «Все двадцать три», Завертайло ударил кулаком по столу.

После они вместе обсуждали, что делать дальше, чтобы идти всё вперёд и вперёд. «Думаешь, я тебя опять не обогну?» — спросил напоследок Иван. «Думаю, что обгоню. А потом снова я тебя...»

Через некоторое время Ерёмченко дал 4300 процентов. Это был всесоюзный рекорд.

Так стали они известными людьми своего рудника, Нижнего Тагила, Урала, сделались гвардейцами тыла. Старые рудокопы с уважением пожимают при встрече руку Степана, расспрашивают о его делах. Молодёжь, многочисленные ученики обоих выдающихся мастеров, ударники и стахановцы рудника, применяя опыт работы Ерёмченко и Завертайло, тоже добиваются больших успехов.

Работа на Жуковской штольне закончена. Ерёмченко и Завертайло на разных участках. Но высокогорцы вспоминают о тех днях, как войны о славных битвах, которые зовут к новым подвигам.

Рудничное производство отлично от заводского. На заводе всё стабильно: каждый цех, агрегат, станок. И рабочий, как пазл, из года в год работает в одном и том же пролёте. Иные на руднике. Здесь постоянное движение. Съезжает экскаватор свою порцию руды на одном участке и поехал дальше. Куда? Геологи укажут. Рабочие снимут линию железной дороги там, где она уже ненужна, и подвоят её к новому забою. Иные проходчики работают здесь, завтра — за километр отсюда. Вслед за ним движется механизмы.

Бегают среди гор паровозы, тянут думкиры с породой. Степан пересекает линию пути. Машинист машет ему рукой из будки. Ерёмченко шагает к месту своей сегодняшней работы через кучи руды и глины. Он легко взбирается на гору по крутой деревянной лестнице и по-хозяйски оглядывает раздробленную взрывом породу, вершины гор, прозанных, как бы гордящихся своими несметными богатствами. Фигура богатыря-проходчика неотделима от этого пейзажа. Большой, коренастый, с широкой грудью и плечами, такой собранный и в то же время просторный. Человек обычного сложения кажется хрупким рядом со Степаном.

В цеховой конторе у Ерёмченко разговор с начальником цеха: надо наладить лебёдку; заедает, плохо оттягивает породу. Начальник смотрит в знакомое лицо — смуглое, с точными линиями, с неуловимой украинской лукавщицей во взгляде. Этому начальнику позавидует любой хозяйственник: не везде найдётся рабочий, один управляющийся за тридцать человек.

Недавно Степан поставил новый всесоюзный рекорд. Он готовил к взрыву многотонную золотом и зелёно отливавшую скалу. Она казалась неприступной. Степан проложил штольню, как и обычно, в рекордный срок. Потом пришли взрывники. На месте скалы промоздятся теперь глыбы породы — пища для экскаватора.

Ерёмченко стоит у кирпичного здания цеховой конторы и, прищурясь, смотрит на разноцветные глыбы руды. Погода хмурая, неприветливая, но Степану весело. Он видит украинские степи, своих земляков, возвращающихся в родные дома, и тысячи вражеских трупов, придавленных тяжёлыми глыбами уральской руды...

«Переправа через Днепр». Из фронтовых зарисовок младшего лейтенанта Сергея Мезенцева.

ВОЙНА НЕВИДИМОК

Ник. Шпанов

ЧАСТЬ 2. СИГНАЛЫ БЕДСТВИЯ

(Продолжение)

Иллюстрации Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Капитан 3-го ранга Житков, производящий опыты над лаком, сообщившим невидимость перископу подводных лодок, совершил ошибку: он не запер спящую, з которой работал помогавший ему ученик. Спящая исчезла. На ней были следы секретного лака. Оказывается, ученик обменял спящую на бутылку. Возникнет подозрение, что спящая попала в руки немецкого шпиона-диверсанта Витемы, охотящегося за секретом «невидимого» лака.

В поисках спящей Житков бродит по дачному посёлку и заходит в одну из дач. Здесь на него набрасывается несколько человек, его связывают и бросают в подвал. Там он обнаруживает пропащую несколько дней назад Валу — жену Найдёнова, его друга, которой тоже поручено было искать спящую.

Преступники затопляют подвал и, опасаясь ареста, поднимают дачу и скрываются.

Радиостоящих в порту судов: подлодки «ОН-1», которой командовал Житков, и буксира «Шторм», на котором служат его жена Элли, — принимают таинственный призыв о помощи. Сигналы подавал Житков, используя найденный им в подвале передатчик. Радиопеленг показывает точку на земле в границах дачного посёлка, у порта. Пользуясь специальным звукоулавливателем, Найдёнов обнаруживает плесников — Житкова и Валу. Их извлекают из подвала.

Работы по оборудованию лодки «ОН-1» новым, «невидимым» перископом подошли к концу. Всё шло как нельзя лучше. Как вдруг в день своего рождения Вала получает неизвестно кем доставленный великолепный торт, в котором запечены кусочки тканей от исчезнувшей спящей; эти кусочки покрыты «невидимым» лаком.

Житков и Найдёнов по приказанию своего начальника адмирала Ноздры отдыхали в санатории, когда пришёл секретный приказ прибыть к Ноздре. Исполняя приказ, они оба сели в автомобиль и поехали.

Ночью дежурный по городской автоинспекции получил сообщение о катастрофе на шоссе. Во время катастрофы погибли трое: два пассажира и шофёр. Номер автомобиля соответствовал тому, на котором уехали Найдёнов и Житков.

У подъезда удивлённого особняка останавливается машина и из неё выходят два седока — Житков и Найдёнов. Они сами не знают, куда их привезли. В дверях показывается фигура Ноздры. Адмирал задаёт им вопрос: готовы ли они сейчас тут же умереть, если этого требуют интересы родины. Оба отвечают согласием. Ноздра уведомляет по телефону жён того и другого, что их мужья погибли в автомобильной катастрофе. Одновременно отдаётся приказ по флоту о смерти обоих командиров. Всё это должно дать обним возможность исчезнуть в глазах немецкой разведки с лица земли, снова заняться преследованием Витемы, получившего задание подрывать транспорты в одном из наших северных портов.

2. В МЫШЕЛОВКЕ

В призрачном сумраке ночи Моржовый высился как столб, обозначивший конец вселенной. За этим мысом начиналось нечто — холодное и тёмное,

См. «Огонёк» № 8.

как пустота, бесконечное, как всякая неизвестность.

В ночи, очень тёмные, казалось, что мыс стоит один-единёшенек во всём чёрном небытии. Земля за его спиной была такою же плоской и бесконечной, как простиравшееся перед его лицом море. Но как бы ни была темна

ночь, заблудившийся лётчик, глядя сверху на мыс, без компаса мог легко узнать, где север, а где юг. С севера подножие мыса было всегда опоясано белой, ночами светящейся полосой могучего прибоя.

В прилив или в самую низкую воду, будь полный штиль или непогода, мо-

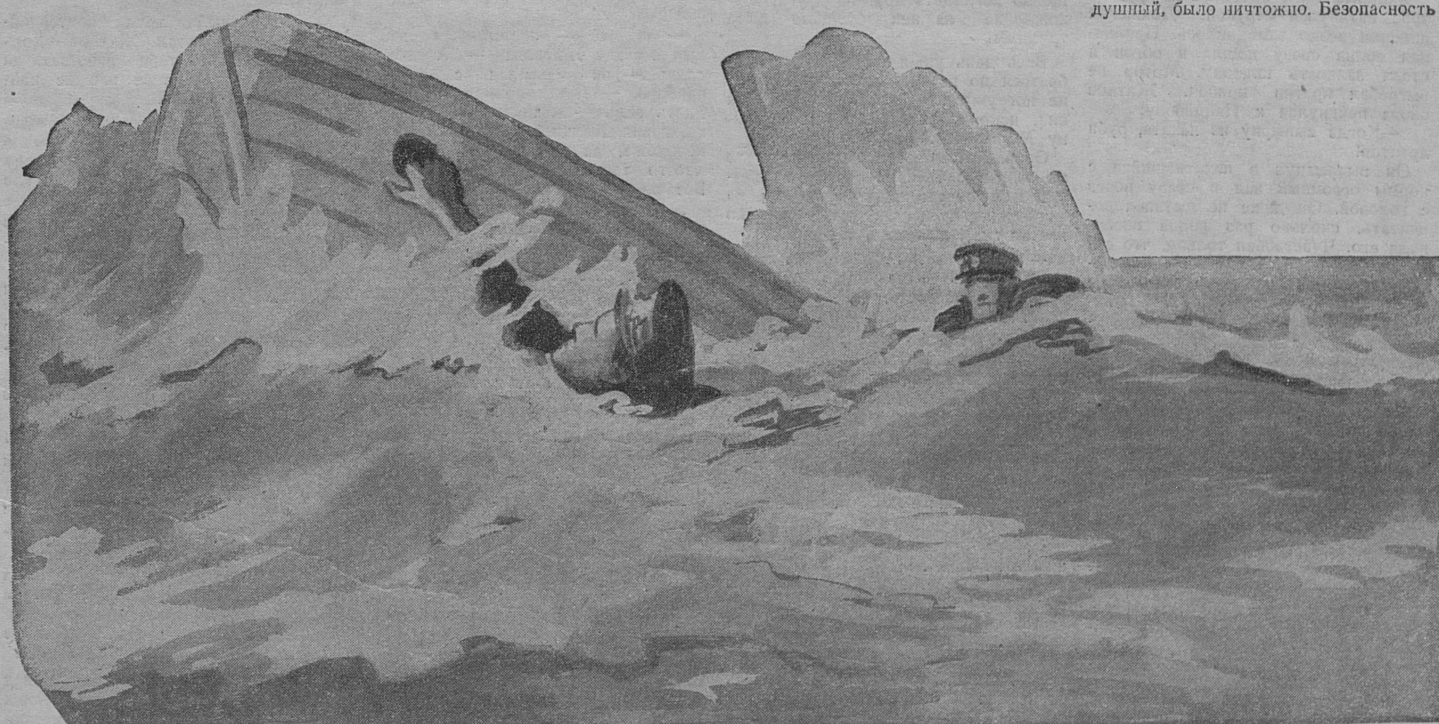
ре было в основание скалы мыса так, что валы взлетали до самой груди мыса-великана. На высоте десяти саженей грудь Моржового была покрыта густою шерстью водорослей — бурых, спутанных, густо пахнущих подом и солью: на двадцати саженях, где начинались гнездовья кайр и топорков, тоже не видно было камня от покрывающего его толстого слоя ракушки; и даже на тридцати, где густою росой садилась солёная брызга, обомшелая грудь утёса была настолько влажной и скользкой, что самый цепкий альпинист не удержался бы на её поверхности. Дальше, до самого неба, в которое упирался головою Моржовый, шёл плотный, веками напластанный слой гуано.

Летом и зимою Моржовый ревел басисто и громко. Этот рёв слышали корабли, обходящие мыс. Свирепое гудение Моржового покрывало грохот шторма, завывание пурги и надрывный вой па- роходных сирен.

Подходов к мысу с суши не было. Летом болотистая, заваленная валунами тундра была непроходима ни для человека, ни для зверя. Зимой нужно было организовать целую экспедицию на оленях или собаках.

Высадиться на Моржовый с моря было задачей нелёгкой. И всё-таки в одну из ненастных ночей начала зимы, когда шквалистый морд со свистом гнал к материке ледяную крупу, крошечное судёнышко появилось на траверзе Моржового. Пулемётная дробь подвесного мотора тонула в свисте ветра и грохоте прибоя. Закутанные в брезентовые плащи, с капюшонами на головах в маленькой шлюпке сидели Житков и Найдёнов. Они третий раз приближались к Моржовому. Первые две попытки высадиться у его подножия не увенчались успехом, но они решили, что будут штурмовать три, четыре — сколько угодно раз, но попадут на него.

Тарас Иванович Ноздра был прав: возможность подрыва судов на пловучих минах исключалась. Надводный миназг появиться тут не мог; количество мин, которые мог поставить подводный заградитель и тем более воздушный, было ничтожно. Безопасность

Несомые волной, они пролетели ещё несколько саженей.

от них почти полностью гарантировалась трагедией.

Работа органов государственной безопасности исключила возможность подачи радиосигналов, освещающих подводные лодки противника с выхода транспортов. Оставалось одно: предположить, что враг скрывается где-то вне бухты Тихой, ведёт наблюдение за движением судов и подаёт немецким лодкам сигналы без помощи радио.

Тщательно изучив берег, друзья пришли к выводу, что если бы подача сигналов была поручена им, они избрали бы для этого мыс Моржовый. Обойдя его на катере, они убедились, что тот, кому удалось бы на нём высадиться, был бы в относительной безопасности, располагал бы отличным наблюдательным постом и точкой для подачи сигналов, направленных по любому румбу, а следовательно, и трудно уловимых для непосвящённого.

И вот почему они решили высадиться на Моржовый.

Дважды они уже приближались к мысу и дважды уходили ни с чем. Нечего было и думать высадиться в полую воду. Сегодня они решили использовать отлив. Может быть, в низкую воду им удастся, не рискуя разбиться об отвесные скалы, выйти на берег.

Так ушли два часа, оставшиеся до начала прилива. Отливное течение встретилось с приливным. Беспорядочные свирепые толкунцы замесились в теснинах скал.

Человеческий голос безнадёжно тонул в рёве сувоя. Житков подполз к управлению мотором Найдёнова:

— Сейчас я отдам дрэк! — крикнул он ему в ухо. — Пока потравлю его, придерживай мотором против наката. — ...ничего не даст... — донёсся ответ Найдёнова.

— Слушай, что говорю! — повелительно крикнул Житков и выкинул дрэк.

Бухта дрэктова разматывалась стремительно. Житков, пытавшийся было удержать трос, с испугом отдернул руку — кожаная рукавица была немедленно прорезана насквозь.

Якорные лапы схватили за грунт — трос натянулся струной. Движение шлюпки резко замедлилось. Приливная волна сразу пошла в обгон и стала заливать шлюпку. Мотор не выгребал против прибоя. Житков снова пригнулся к Найдёнову:

— Когда выйрну из наката, руби дрэктов!

Он выпрыгнул в накатившийся с кормы огромный вал и сразу исчез с головой. Он даже не пытался сосчитать, сколько раз волна повернула его. Чувствовал только, что силы его приходят к концу. Он задыхался. Ещё секунда — и его лёгкие лопнут от жажды воздуха. Страшный удар; все кости Житкова сошлись друг с другом, готовые выскочить из суставов. Безвольным тюком выкатился он на каменную плиту и лежал без движения. Казалось, способность двигаться и соотнобразять возвращается к нему целую вечность, хотя в действительности через полминуты он уже стоял на ногах и затуманенным взором искал в волнах шлюпку с Найдёновым. Увидев её, он решительно двинулся навстречу прибюю. Повернувшись боком, чтобы не дать волнам сбить себя, Житков вошёл в воду. Едва успевал он сделать несколько шагов, как очередная волна с головой накрывала его.

И всё же после каждой встречи с волной он оказывался на шаг дальше от берега.

Вода дошла ему до груди. Предстояло самое трудное: между двумя валами успеть вытащить шлюпку из прибоя. Задержка на несколько секунд не только сведёт на нет самое

пробывание здесь, так как в шлюпке останется необходимое дружеское снаряжение, но лишит их и возможности возвращения на землю.

Житков подавал Найдёнову сигнал рубить дрэктов. Он видел, как освобождённое от троса судно вильнуло было, пытаясь лечь лагом к волне, но бросившийся к вёслам Найдёнов успел удержать его кормою к берегу. «Молодец, Саша!» — успело плескнуться в мозг Житкова, и в следующее мгновение он уже увидел шлюпку рядом с собой, поднятой из гребня огромного, неущегося к берегу вала. Седая пена и галька шипели вокруг. Житков вытянул руку. Он видел, как тело Найдёнова взметнулось над бортом и исчезло по другую сторону шлюпки. Не сговариваясь, они приняли шлюпку на руки. Несомые волной, они пролетели ещё несколько саженей.

Через мгновение они лежали на берегу, недвижимые, почти бездыханные.

Холод привёл Найдёнова в сознание. Вскочив, лёгким бежал шлюпку и склонился над безуспешно пытающимся сесть Житковым.

Сняв с Житкова промокшее платье и бельё, Найдёнов чистил на него комбинезон и присоединил идущий от пояса провод к аккумуляторам, спрятанным в катере. Ткань комбинезона стала быстро прогреваться, и Житков тут же уснул.

Пока он спал, Найдёнов разгрузил шлюпку, перенёс подальше от воды и бережно укрыл от брызг последнюю модель своего «уха» и аккумуляторы житковского комбинезона.

Когда Житков, наконец, открыл глаза, кофе кипело и банка горячего мяса ждала его. Житков с аппетитом поел.

В беседе друзья не возвращались к высадке, как будто появление их на неприступном мысе было само собою разумеющимся, о чём не стоило и говорить.

Отдохнув, обследовали мыс. Эта первая разведка заставила их смущённо поглядеть друг на друга: сохождение на пик обещало быть трудным.

Весь день ушёл на то, чтобы добраться до верхней площадки. Солище погружалось уже в океан, когда они, наконец, взобрались на вершину Моржового.

Открывшееся зрелище приковало их взоры: с трёх сторон кипел безбрежный океан; простирающаяся на юг серая равнина тундры, насколько хватал глаз, дымилась позёмкой.

— Охотно верю: добравшись сюда, какой-нибудь путешественник древности мог поверить, что тут кончается мир, — сказал Житков.

— Да, если не знать, что ты можешь отсюда выбраться, тогда есть от чего заскучать.

Страхнув тягостное очарование панорамы, они принялись за выяснение того, побывал ли здесь человек.

Тщательный осмотр каждой площадки, каждого выступа убедил их в том, что они пришли сюда первыми.

Друзья озадаченно переглянулись: никто из них не высказывал вслух, но каждый был в душе уверен, что именно здесь они найдут ключ к загадке гибели кораблей; что именно они ликвидируют вражеского агента, сигнализирующего отсюда, и убергут от гибели тех, кто будет плыть из Тихой.

Трудно было свыкнуться с мыслью, что всё это рушилось.

— Что же остаётся? — в раздумье спросил Житков. — Вражеская лодка, оставшаяся каким-то образом

невидимой для наших охотников и эскорта конвоев, дежурит в этих водах и наносит удар наверняка.

Под влиянием пришедшей ему вдруг мысли Житков испуганно взглянул на друга:

— Слушай, Саша!

Тот напрасно ждал продолжения: Житков был не в силах выговорить страшное предположение. Но Найдёнов понял и без слов: «Не стал ли враг невидим?» — вот что хотел сказать Житков.

Напрасно они, пользуясь последним светом, обводили биноклями море, никаких признаков врага там не было.

Найдёнов установил своё «ухом». Это была их последняя надежда: если в радиусе десяти миль появится подводная лодка, прибор тотчас зарегистрирует шум её механизмов.

Они подходили к прибору и заглядывали под козырёк искателя, словно светлый квадратик экрана и без того не был отлично виден.

Укрывшись от ветра за выступом скалы, они принялись за устройство ночлега. Найдёнов был занят разогреванием ужина, Житков пошёл ширить по гнёздам. Возвращаясь с шапкой, наполненной двумя десятками яиц и предвкушая свежую яичницу, Житков машинально взглянул на экранчик «уха». Едва не выронив шапку с яйцами, он закричал:

— Саша!

Подбежавший Найдёнов увидел, что экран слегка светится. Едва заметный зигзаг прорезал край матового стекла.

Найдёнов ориентировал прибор, и два бинокля усталились в указанном «ухом» направлении.

— Что ты видишь? — спросил Найдёнов.

— Ничего, — уныло ответил Житков, опуская бинокль.

Но прибор упрямо говорил своё.

— Он не может врать! — уверенно проговорил Найдёнов и снова взялся за бинокль. — Когда ты под землёй сидел, я быдо ему тоже, не поверил.

— Физик! — послышался весёлый голос Житкова. — А ну-ка глянь... — он сверился с лимбом прибора, — гляди примерно на двадцать семь — двадцать восемь. Ну-ка, повнимательней. На перископ это непохоже, да и на рубку тоже; не что-то там, безусловно, ныряет... Вот опять показалоось...

— Вижу! — радостно подтвердил Найдёнов. — Похоже на катер.

— Да, скорей всего катер, — согласился Житков. — Пограмотри.

Найдёнов вернулся к прерванному ужину. Житков последовал его примеру, но нет-нет да и брал в руки бинокль. Когда ужин подходил к концу, он сказал:

— Для сторожевого катера эта посуда движется чересчур медленно.

— Но держит явно судно.

— Незваный гость?

— Странно... Очень странно, — Найдёнов внимательно вглядывался в светящийся зигзаг на стекле прибора. — Это, безусловно, была работа мотора. Очень характерный излом кривой.

— Почему «была»? — спросил Житков.

— Линия потухла.

— Выключил мотор?

— Вероятно.

— Может быть, бедует?

— Может быть. Не знаю. Этого «ухом» определить не может.

— Жаль, что оно у тебя не обучено определять цвет волос капитана.

— Я бы предпочёл, чтобы оно умело считать пальцы на ногах.

— Э, брат, дался тебе Витема.

— А ты его уже похоронил?

— Такого легко не похоронишь, но думаю, что сюда ему хода нет.

— А я думаю, что именно сюда-то его и тает: места знакомые. Волку места везде подходящие, а если его сюда что и влечёт, так это ненависть. Если бы ты его послушал, так понял бы, как он ненавидит всё, что пахнет Россией...

— А разве он опять?..

Вместо ответа Найдёнов молча показал на прибор: зигзаг появился снова.

— Значит, на вёслах не выгреб, — сказал Житков.

— Да, теперь он приближается довольно быстро, идёт прямо сюда.

— Ему нужны остатки дневного света, чтобы успеть высадиться. Интересно, где он это делает?

Вместо ответа Найдёнов вынул из чехла винтовку с оптическим прицелом.

— Не спуститься ли к шлюпке? — спросил Житков.

— Тогда, зайдя за любой мысок, он будет вне поля нашего зрения, а отсюда весь берег...

— Твоими устами глаголет... А катерок, безусловно, не наш.

— Сколько их там?

— Двое.

— Отсвет заката мешает мне что-нибудь видеть, — пожаловался Найдёнов. — Как ты думаешь: они хорошо видят берег?

— Вероятно, как под прожектором: закат им в спину.

— Не могу разобрать лиц, вижу только силуэты.

Приблизившись метров на пятьсот, катер лёг параллельно берегу. Один из сидевших в нём поднял к глазам бинокль.

— Напрасный труд, почтеннейший, — пробормотал Житков. — Хоть солнышко и на тебя работает, да при такой качке тебе нас не поймают в поле зрения.

— Ой ли! — проговорил Найдёнов, видя, как глядевший в бинокль человек указал другому, сидевшему на моторе, на вершину скалы, где стояли друзья.

— Эге-ге! — проговорил Житков и опустился на колени рядом с Найдёновым. — Это — уже свинство.

Сидевший на корме катера передал что-то второму, олуштившему бинокль. Через мгновение можно было ясно видеть, что в руках у него автомат.

— Ля! — скомандовал Найдёнов Житкову.

Несколько пуль с короткими промежутками прожужжали над краем скалы.

Выстрелов с воды, так же как и стука мотора, за шумом прибоя не было слышно.

Найдёнов сосредоточенно ловил и прицел стрелка на шлюпке. Это не удавалось. Цель выходила из слишком малого поля зрения трубы, не попадая на крестовину.

Новая очередь пуль пропела над друзьями. Но, повидимому, стрелок понял, что поразить цель с мотающегося катера ему не удастся. Он опустил оружие и снова взялся за бинокль.

(Продолжение следует.)

Парижские и лондонские газеты и журналы, рассказывая о чудесном изобретении русского инженера Павла Николаевича Яблочкова, писали в 1876 году:

«Свет приходит к нам с Севера — из России».

«Чудесная «Русская свеча», выставленная на площадях и улицах Парижа и Лондона, — в центре ежевечернего паломничества всего населения».

«Русским светом» ярко освещены теперь театр Шатле, магазины Лувра, площадь Оперы в Париже, порт в Гавре, набережная Темзы в Лондоне, столичные цирки. В одном только Париже 1000 «русских свечей» вытеснили с улиц 70 000 газовых рожков...»

Павел Николаевич Яблочков, с гордостью, достойной русского патриота, сообщал друзьям о триумфальном шествии «русской свечи»: в короткое время она распространилась по всему миру, дойдя до дворцов шаха персидского и короля Камбоджи...

Павел Николаевич Яблочков.

Яблочков родился в 1847 году в городе Сердобске. До 15 лет он учился в саратовской гимназии, а затем в петербургском пансионе и николаевском военно-инженерном училище. В чине подпоручика он служил в Киевском сапёрном батальоне.

В 1869 году Яблочков вышел в отставку и поступил на должность начальника телеграфа Московско-Курской железной дороги. К этому времени он уже стал страстным любителем электричества, обзавёлся домашней лабораторией и примкнул к московскому кружку физиков-электриков. В голове его зрели планы всё новых и новых опытов в любимых областях — электрического освещения и источников тока (машины, элементы). Яблочков оставил службу на телеграфе и вступил в мастерскую своего товарища — отставного капитана артиллерии Н. Г. Глухова. Оба они, Яблочков и Глухов, превратили маленькую мастерскую в центр смелых и остроумных исследований, блестящих новизной и шедших впереди века.

В 1875 году Яблочков и Глухов разработали впервые в мире практический способ электролиза поваренной соли. Недостаток средств помешал практическому применению этого открытия в широких масштабах...

Яблочков решил поехать в Америку, на Всемирную филаделфийскую выставку, показать изобретённый им

ГОРДОСТЬ РУССКОЙ НАУКИ

(К 50-летию со дня смерти П. Н. Яблочкова)

Инженер Ф. Вейтков

электромагнит, чтобы добыть нужные средства для продолжения на родине изобретательской деятельности.

За несколько дней до отъезда за границу в мастерской произошло событие, приведшее Яблочкова к изобретению чудесной «русской свечи». Случилось так, что действовавшие в электролитической ванне параллельно расположенные уголи коснулись друг друга и между ними образовалась ярко вспыхнувшая световая дуга. Бурное кипение электролита грозило гибелью дорогому аппарату. Но у Яблочкова не хватило сил оторваться от прекрасного зрелища. Он и Глухов, как зачарованные, до боли в глазах глядели на свет до тех пор, пока сосуд не треснул. Но Яблочков был мало опечален. Его мысли были заняты другим: он пришёл к выводу, что для получения световой энергии не требуется особых приспособлений, особого регулятора.

Через несколько дней Яблочков уехал за границу. До Америки он не добрался: не хватило денег. Он остановился в Париже, в Латинском квартале. Чтобы не умереть с голоду, Павел Николаевич поступил на работу в мастерскую точной механики Антуана Бреге. После рабочего дня он занимался в лаборатории при мастерской. Здесь у Яблочкова окончательно созрела гениально простая идея электрической свечи.

Два параллельно поставленных угля, разделённых не сгорающим изоляционным слоем — источник света, не требующий никакого обслуживания и регулирования.

23 марта 1876 года Яблочков получил в Париже первый патент на свою свечу.

Впервые в России узнали о свече Яблочкова 5 октября 1876 года, то

есть через полгода после её запатентования. В этот день физик Петрушевский, вернувшийся из Лондона в Петербург, доложил на заседании Физического общества свои восторженные впечатления о виденной на выставке электрической свече Яблочкова.

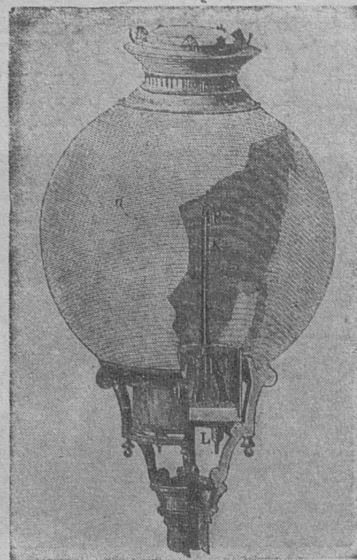
Через несколько месяцев Павел Николаевич прислал в дар русским физикам четыре свечи, с подробным их описанием. Это позволило вскоре профессору Егорову сделать научное сообщение о свече Яблочкова.

Настоящего триумфа и славы добились Яблочков и его изобретение в 1878 году на Всемирной выставке в Париже. Посетивший выставку и павильон Яблочкова великий князь Константин Николаевич предложил изобретателю организовать в России производство его свечей.

Яблочков уже обращался с предложением свечи к русскому министерству, но, не получив никакого ответа, уступил французам привилегию на свету. Теперь нужно было обратно выкупить у фирмы это право производить свечи в России. Яблочков собрал все средства, выкупил у фирмы за миллион франков свою русскую привилегию и уехал в Петербург.

Квартира Яблочкова на Литейной (угол Бассейной), где незадолго до того жил поэт Некрасов, была приспособлена для демонстрации электрической свечи. По вечерам тысячи петербуржцев наблюдали с улицы яркий свет в окнах квартиры Яблочкова.

30 января 1879 года был создан VI электротехнический отдел Русского технического общества, и Павел Николаевич был избран заместителем председателя президиума Общества. Яблочкова везде в столице чествовали, признавали его заслуги

Лампа Яблочкова.

перед родиной, печатали о нём статьи, помещали его портреты. Но практические опыты освещения Петербурга свечами Яблочкова начались только в марте 1879 года.

Восемь фонарей со свечами Яблочкова освещали Литейный мост через Неву. Появился новый электрический свет и на Екатерининской площади, близ Александринского театра. К началу 1880 года в Петербурге горело более 500 свечей Яблочкова.

В феврале 1880 года Павел Николаевич вместе с другими деятелями русской электротехники добился разрешения на издание журнала «Электричество» и стал его первым сотрудником.

Организационная неразбериха, недостаток средств и отсутствие благоприятных условий мешали творческой работе Яблочкова. Вскоре он уехал в Париж.

Владельцы газовых компаний, в составе которых преобладали немцы, принимали все зависящие от них меры, чтобы ликвидировать «опасного конкурента» — электрическое освещение — в самом зародыше. Немецкие газеты травлили Яблочкова и ханжески утверждали, что «освещение улиц противостоит во всех отношениях».

В продолжение последующих лет Яблочков разрабатывает десятки своих интересных изобретений, на которые в России никто не откликнулся. Электрохимические исследования и работы по созданию элементов и аккумуляторов, нередко кончавшиеся взрывами или газовым отравлением, сильно подорвали здоровье учёного. Предчувствуя недоброе, Яблочков захотел вернуться на родину.

Он прибыл в Россию летом 1893 года. На родине, в Саратовской губернии, он не застал своего дома, ставшего жертвой огня. Осенью, уже совершенно больной, Яблочков прибыл в Саратов и поселился в гостинице.

Его жене Марии Николаевне — замечательной русской женщине, сподвижнице изобретателя, — стоило немалого труда уложить Яблочкова в постель. Павел Николаевич согласился на это при условии, что у кровати будет стоять столик с инструментами и он сможет лёжа работать. В таком состоянии его и постигла смерть 19 (31) марта 1894 года.

КРИНИЦА

Андрей Малышко

Другу раненому снится
Ключевая синь-водица,
Другу раненому снится
Ключевая синь-вода.

Мы четыре дня не пили,
С ног до лба покрылись пылью;
Мы к кринице пробивались
И пробивались: вот она!

Но гляди в криницу: люди
В ней лежат рука в руке,
Их придавленные груди,
Их недвижный взгляд в тоске

К мести нас зовут, товарищ!
По руинам, густыням
В грозном зареве пожара
Ходят тени партизан.

— Ой была у нас криница!
Иль умыться, иль напиться,
Иль полить в жару цветы,
Сколько хочешь той воды.

Эх, умылись бы, побрились
И в кринице, в ранней мгле,
Мы бы ясно отразились,
Как в лучистом хрустале.

Солнышко зашло за взгорье,
Нет воды — лишь пыль степей.
Что ж, когда такое горе,
То из лужицы испей!

И пойдём опять на бой,
Где наш отчий дом дымится,
И поёт-звенит криница
При дороге фронтовой.

Перевёл с украинского
Николай Берендтгоф.

Искусство

Кадр из фильма «Кутузов». В роли Кутузова — артист А. Дикий, в роли Платова — артист С. Блиников.

ФИЛЬМ О СИЛЕ И СЛАВЕ РУССКОГО НАРОДА

На экраны выпущен новый большой исторический фильм — «Кутузов», — посвященный бессмертному подвигу русского народа в 1812 году.

Кутузов, сподвижник Суворова, — один из самых популярных в народе полководцев.

На протяжении почти пятидесяти лет он участвовал во всех войнах, какие вела в то время Россия. А войн было много — в Крыму, в Турции, в Польше, в Фин-

ляндии, далеко на Западе, — всюду, где гремел бой, гремела слава Кутузова, отличавшегося редким бесстрашием, любимца войск и народа, осыпанного большими орденами своего времени, храбреца и хитреца, воина и стратега. Сохранилось множество воспоминаний о поведении Кутузова в бою, о его дипломатической ловкости, о его веселом и живом характере, о его острозлобии, о необычайной популярности у народа, и поэтому справедливо, что фильм, ему посвященный, народен.

Роль Кутузова, вдумчиво сыгранная А. Диким, раскрывает характерный образ замечательного полководца и человека.

Жизнь Кутузова, долгая и многообразная, не могла быть раскрыта вполне, она ограничена пребыванием фельдмаршала в армии, и перед артистом А. Диким стояла трудная задача — показать многосторонний кутузовский характер на коротком отрезке времени. Дикий нашёл эту возмож-

ность. Осторожный и решительный, простой, но тонкий, усталый, но волевой и непреклонный — таков Кутузов в изображении А. Дикого.

По этому фильму можно представить себе достойный подражания тип полководца, которым истари славилась русская армия. Они стяжали великую славу победоносных походов, решительных, но тщательно продуманных штурмов, призывавших каждого армейскому чину, от генерала до солдата, чувство взаимопомощи, доблести и любви к России.

Нужно отдать должное замечательной игре актёров в этом фильме: С. Закариадзе в роли Багратиона, Н. Охлопкова в роли Барклая де Толли. Но с особым теплом сыграны здесь подлинно народные роли: солдата Жестяникова в исполнении И. Скуратова, солдата Федя, сыгранного М. Пуговкиным, и атамана Платова, умно и тонко найденного артистом С. Блиниковым.

Лучшие кадры фильма — это массовые сцены: движение войск, битвы, биваки. В искусстве ставить массовые сцены режиссёр Вл. Петров показал себя мастером ещё в прежних своих работах («Пётр Первый» и др.), по-

Наполеон — артист С. Межинский.

такие кадры, как Бородинская битва, наполеоновская карета, стиснутая отступающей армией, сцены французского бегства, свидетельствуют о растущем мастерстве талантливого художника.

Этот замечательный фильм, повествуя о давно минувших днях, учит нас бороться с врагами родины. Главная заслуга его авторов в том, что они сумели живо и правдиво показать эпоху Отечественной войны 1812 года, воссоздать в живых образах её замечательную любовь и прежде всего великого полководца и патриота Кутузова.

Зрителю ясно, что победа русских вооружённых сил над армией Наполеона была победой всего русского народа, поднявшегося на защиту своей родины, это была также победа русской военной школы, победа полководческого гения Кутузова.

Наше прошлое полно славы и героизма, оно вдохнов-

ляет нас в нынешней борьбе с немецким фашизмом. Мысленно перелистывая страницы истории нашего народа, мы с гордостью думаем о героических победах Красной Армии на фронтах Великой отечественной войны, в которых также решающую роль сыграла трезвая мудрость расчёта, подготовившая наше наступление и со-

крушительные удары по врагу. История показывает, что из тяжёлых испытаний русский народ всегда выходил победителем. И мы полны уверенности в том, что как в 1812 году народ разгромил армию Наполеона, так и теперь он разгромит немецких захватчиков. Так было, так есть, так будет!

Сергей Бородин

СЕМЬ РАЗ НА ФРОНТЕ

Дружба с бойцами и офицерами стала славной традицией советских артистов.

За время Отечественной войны я ездил семь раз на фронты, где в общей сложности провёл почти полгода.

Большой честью считал я быть на фронте представителем прославленного Московского Художественного театра. В ансамблях МХАТ выезжали на фронт: лауреат Сталинской премии народная артистка СССР Тарасова, народные артисты РСФСР Андровская, Зуева, Ершов, Станицын, Прудкин, лауреат Сталинской премии Боголюбов.

До места выступлений мы добирались самыми различными видами транспорта: ехали на грузовиках и на санях, летели на самолётах, плыли на сторожевых и торпедных катерах, шли пешком.

Мы выступали на палубах кораблей Северного морского флота и в лесу — на полянках, в землянках, в клубах и т. д.

В землянках мы обычно устраивались так: в одном углу располагались зрители, в другом — создавалась «сцена». Ящики, табуретки, пеленка, задрапированные плащ-палатками, изображали что угодно, даже... роскошную мебель великосветского салона, где происходила встреча Анны Карениной с Вронским.

Однажды во время концерта погасла единственная лампа. Но и в темноте Алла Тарасова продолжала монолог Анны Карениной. Зрители тоже не растерялись: каждый зажёл свой карманный фонарик и направил узкий сноп света на артистку. Это импровизированное освещение оказалось ярким и эффективным.

Однажды нашими зрителями были люди в белых маскировочных халатах с автоматами. Это были снайперы и разведчики, которые пришли на концерт прямо с переднего края. По оконча-

нии концерта один из снайперов сказал нашей артистке:

— Я ленинградец. Видел выступления Художественного театра во время его гастролей в Ленинграде. Но никогда я не испытывал такого наслаждения от вашего искусства, как здесь, когда вы играете для нас, фронтовиков. Я уничтожил 157 гитлеровцев. Сейчас зима. Я не могу достать для вас цветов. И вот в благодарность я вместо цветов преподношу вам снайперский букет из... фрицев, который в вашу честь обещаю в ближайшие дни увеличить...

Неожиданная встреча произошла у меня на одном аэродроме Западного фронта. Перед началом концерта ко мне подошёл лётчик и попросил разрешения... загримировать меня и других артистов. Лётчик оказался бывшим гримёром киностудии Мосфильма, который не-

Лауреат Сталинской премии Николай Дорохин.

задолго до войны гримировал меня для одной кинокартины. Он был весьма разочарован, узнав, что мы выступаем без грима.

Пребывание на фронте ещё раз убедило меня в жизнестойкости МХАТ. Нужно только иметь желание, и тогда можно хорошо играть в любых условиях, на любой «сцене», даже под грохот артиллерийского обстрела.

Николай Дорохин,

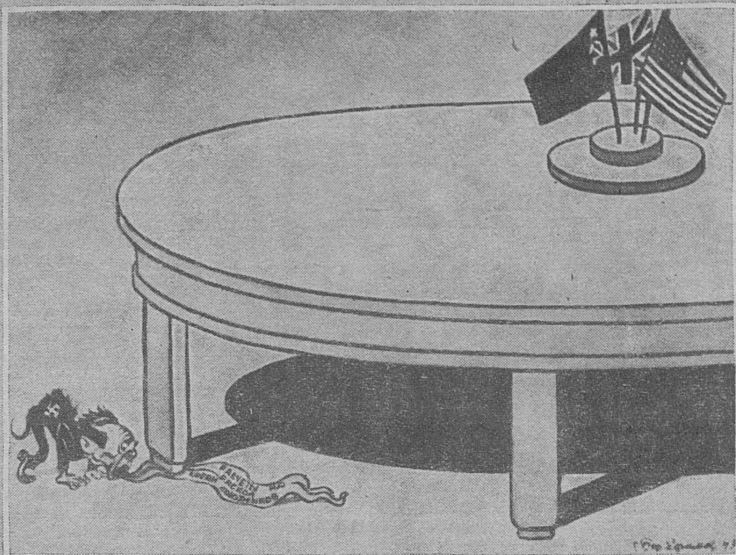
заслуженный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии

Багратион — артист С. Закариадзе.

Кадр из фильма «Кутузов»: пожар Москвы.

Бор. Ефимов. «После Тегеранской конференции».

МАСТЕРА САТИРЫ

В выставочном зале Московского товарищества художников открыта выставка хорошо известных советскому читателю карикатуристов и мастеров сатиры: Б. Ефимова, Л. Бродаты, К. Елисеева, Ю. Ганфа, В. Горяева, А. Каневского. Многие показанные здесь рисунки и шаржи знакомы нам по газетам и журналам, но, собранные воедино, они ещё острее разят врага.

К. Елисеев. «У Сталинграда».

К. Елисеев. «Зависть румына».

Л. Бродаты. «Грачи прилетели».

Ю. Ганф. «Лавочка «Лаваль и К°».

СПОРТ

СТО ЗИМНИХ ДНЕЙ

В Свердловске, на горах Уктуса, закончились многодневные лыжные соревнования 16-го первенства СССР.

На высоком берегу живописной реки Вятки, на катке областного города Кирова, прошёл 6-й розыгрыш традиционного приза имени Кирова.

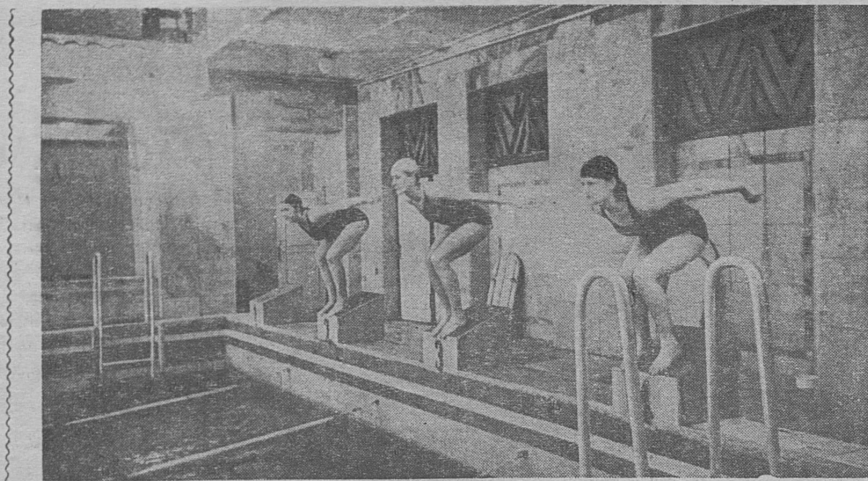
В Мурманск съехались лучшие лыжники страны, чтобы принять участие в юбилейном 10-м «празднике Севера», соревнования которого заканчиваются в первых числах апреля.

В это же время на берегу Чёрного моря, в южном тепле Сухуми, происходит тренировочный сбор мастеров лёгкой атлетики.

Значит, подошло время подытожить стодневный зимний сезон, прошедший в этом году на высоком спортивном уровне.

Четыре чемпиона ледяной дорожки были в истекшую зиму в центре высшего внимания: ленинградец Петров и москвичи Прошин, Аниканов и Игорь Ипполитов. Лучший конькобежец города Горького Лебедева и чемпион Свердловска Шабуров не оказали им сильной конкуренции, а рекордсмен СССР Летфорт за всю зиму так и не обрёл беговой спортивной «формы».

Перед тем как принять attack чемпионов Ленинграда, города Горького и Свердловска, три московских мастера в жестокой борьбе разыграли первенство столицы. Двухдневное соревнование на Центральной катке «Динамо» дало неожиданный результат. Победитель — старший лейтенант Владимир Прошин — набрал лучшую сумму очков, но не занял первого места ни в одной из четырёх дистанций и по этой причине звание абсолютного чемпиона не получил. В городе

Ленинград. Тренировка пловцов в водном бассейне.

Фото С. Струникова.

Горьком блестящий класс показал Аниканов. Потом состоялись два ведомственных первенства — «Динамо» и ВЦСПС. У динамовцев победили Стродс (Латвийская ССР) и Мария Исакова. Чемпионами профсоюзов стали Петров и Акифьева.

Самым интересным соревнованием сезона был, конечно, чемпионат страны по конькам. Ленинградец Петров проявил в этом соревновании необычайное упорство: он выиграл три дистанции и завоевал звание абсолютного чемпиона СССР.

Хоккейные матчи дали в сезоне нескольких победителей. Три главнейших соревнования в Москве были поделены между тремя командами. В однодневном турнире спортивный трофей достался команде воинской части товарища Васильевича. Чемпионом Москвы была профсоюзная команда общества «Крылья Советов». Командное первенство столицы также осталось за «Крыльями». Кубок

Москвы выиграли динамовцы.

Каждый воскресный день в Москве, Свердловске и Горьком лучшие искусники лыжи состязались при большом многолюдье, а гошки отличались пестротой имён победителей. Особенно густо были усеяны снежные дорожки в дни профсоюзно-комсомольского кросса, в котором участвовал несли миллион лыжников.

В московских эстафетах «приза открытия» традиционный приз выиграли лыжники общества «Крылья Советов». В гонке мастеров победу одержали молодой динамовец Матюшенко и многократная чемпионка СССР Початова. В городе Горьком на первенстве ВЦСПС Павел Орлов показал выдающийся результат на «тридцатку» — 1 час 59 минут 7 секунд. У женщин победительницей была Маркова, опередившая двух чемпионок — Початову и Болотову.

Спортивное оживление было и у горнолыжников. На сборе мастеров в Бакуриани

знание чемпиона СССР — первое в 1944 году — получил москвич Беляков. В Москве на Ленинских горах был разыгран приз норвежского посольства. Серебряная ваза была вручена чемпиону Москвы по слалому красноармейцу В. Преображенскому.

В мире советских гиревиков зимние встречи выдающихся штангистов ознаменовались установлением четырёх мировых рекордов. Украинский чудо-атлет лейтенант Григорий Новак, при собственном весе в 75 килограммов, толкнул двумя руками 156 килограммов, вырвал двумя руками 123 килограмма и выжал 128,5 килограмма. Официальные мировые рекорды (принадлежащие японцу Кин в жиме двумя — 120 килограммов, египтянину Туни в толчке двумя — 152,5 килограмма и в рывке — 122 килограмма) перекрыты советским офицером в общей сложности на 13 килограммов!

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта СССР.

Почему мы так говорим

ШЕМЯКИН СУД

«Шемякин суд» — название несправедливого, корыстного суда. Это выражение взято из «Повести о Шемякинском суде» — старинной русской сатиры (XVII века) на подьячих, несправедливых судей и господствовавшую тогда судебную волокиту «с посулами» и «хоженым» (взятками).

ЛЕГЕНДА

«Легенда» — латинское слово, в буквальном значении — «то, что должно читаться». Первоначально в средние века легендами назывались религиозные сказания, а также жития и похвалы святых, которые читались в римско-католической церкви во время службы. В древних легендах было много выдуманного, чудесного, невероятного. Отсюда «легендами» стали называть сказочные, чудесные рассказы, заведомо украшенные фантазией.

ХОДИТЬ ФЕРТОМ

«Ферт» — старинное название буквы «ф», которая в рукописях изображалась очень вычурно. «Ходить фертом» — значит важничать, щеголять, ходить горделиво.

КАНУТЬ В ЛЕТУ

«Лета» — по древнегреческой мифологии — река забвения в аду. Из неё души умерших должны были пить воду для того, чтобы забыть все земные горести, печали и страдания. Выражение «кануть в Лету» означает быть забытым, исчезнуть.

ПЛЮС И МИНУС

Названия «плюс» и «минус» появились значительно раньше, чем самые знаки.

В математической книге XIII века «Liber Abaci» Леонардо Пиза встречаются слова «плюс» и «минус», но не для обозначения действительных сложения и вычитания, а только в виде указания, какая именно ошибка произошла при неверно произведённом вычислении. Когда получалось больше следующего, говорила «плюс», если же выходило меньше, — «минус». Действие сложения обозначалось посредством латинского слова «et» (и).

В XIV веке выражение «плюс» стало обозначать сложение; об этом впервые упоминается в одной из итальянских алгебр того времени. В XV веке в математической книге Видмана встречаются и самые знаки «плюс» и «минус» в их современном значении. По некоторым версиям, знак «плюс» есть изменённая латинская буква «t» от слова «et».

ВАСИЛИСК

В древности у греков и римлян василиск олицетворял сверхъестественное фантастическое чудовище с телом петуха, хвостом змеи, короной на голове и сверкающими глазами. Взгляд его был смертоносен, гибелен для всего окружающего. Воздух наполнялся ядом, исходящим из василиска.

Ныне василиском называют безвредную южноамериканскую ящерицу, припадающую к семейству игуан. Длина туловища василиска доходит до 80 сантиметров, хвост длинный, голова украшена остроконечным колпачком на хрящевом гребешке. Василиск — всеядное животное: его пищей являются только растительные вещества.

ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА

ГАГА

Комбинезоны полтарных летчиков обычно сделаны на гагачьем пуху. Этот лучший в мире утепляющий материал даёт замечательная птица — гага.

Гага гнездится на лесистых островках Белого моря, на туманном Мурмане, на побережье Новой Земли. Гнезда гаги выстланы дымчатым, с жемчужным оттенком пухом. Полтора столетия назад промышленники собирали ежегодно 50—60 тонн чистого пуха. Но они забирали не только пух, но и яйца, были взрослые птицы и не заботились о её размножении.

На Новой Земле ежегодно собирают много очищенного пуха.

В незамерзающих водах Мурманга гагу можно встретить и зимой. Это главным образом молодой прошлогодний выводок. В весенние месяцы сотенные стаи взрослых птиц появляются в бухтах и на отмелях островков. Здесь, в зарослях водорослей, во время отлива птицы разыскивают себе корм.

Гнездо гаги помещается обычно под камнем, в расщелине торфяника или в каком-нибудь другом укрытии. Когда гага сидит неподвижно, она почти незаметна.

Её бурое оперение совершенно сливается с прошлогодней травой.

Насколько скромна окраска своего оперения гага, настолько пёстры самцы — гагун. В оперении этих птиц сочетались все краски далёкого Севера — белизна снега, чернота прибрежных скал, зеленоватый цвет воды, розовато-жёлтый отблеск зари.

Для сохранения гаг и восстановления гагачьего промысла в СССР принят ряд мер. Охота на гагу запрещена, создаются заповедники — места охраны и изучения гаги.

Отв. редактор М. ДОБРЫНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А5140.

2½ печ. л.

Подписано к печати 19/IV—44 г.

Изд. № 227.

Тираж 100.000.

Заказ 643.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Под редакцией мастера
СССР Н. Зубарёва

ПАРТИЯ № 7

Игрена в финале Московского шахматного чемпионата 1943 г.

Испанская

Смыслов (белые) Ботвинник (чёрные)

1. e2—e4 e7—e5
2. Kg1—f3 Kb8—c6
3. Cf1—b5 a7—a6
4. Cb5—a4 Kg8—f6
5. 0—0 Kf6:e4
«Открытый» вариант испанской партии — одно из наиболее острых продолжений в этом дебюте.
6. d2—d4 b7—b5
7. Ca4—b3 d7—d5
8. d4:e5 Cc8—e6
9. c2—c3 Cf8—c5
10. Kb1—d2 0—0
11. Cb3—c2 ...

До сих пор всё по хорошо известной теории.

11. ... Kc4:f2?!
Неожиданный для Смыслова ход, предложенный недавно американскими теоретиками.

12. Jf1:f2 f7—f6
13. e5:e6 Fd8:f6
14. Fd1—f1 ...

Обратная неожиданность: Смыслов делает ход, который ускользнул от внимания американцев, рассматривавших лишь продолжения 14. Kf1 и 14. Kb3.

14. ... Ce6—g4
15. Kpg1—h1 Cc5:f2
16. Ff1:f2 Jа8—e8

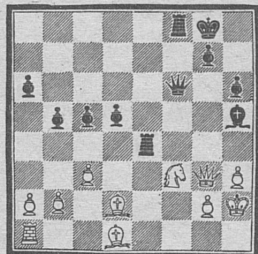
Чёрные имеют ладью и пешку за две фигуры при значительно лучшей позиции.

17. Ff2—g3 Kc6—c5
18. Cc2—d1 Ke5—d3

Здесь чёрным следовало избрать более энергичное продолжение 18. ... h5.

19. h2—h3 Cg4—h5
20. Cd1—c2 Kd3—f4
21. Kf3—g1 c7—c5
22. Kd2—f1 ...

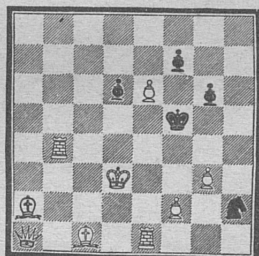
- Мало-помалу белые добились более благоприятного расположения своих фигур, сохраняя при этом своё материальное преимущество.
22. ... Kf4—e2
23. Kg1:e2 Le8:e2
24. Cc2—d1 Le2—e6
25. Cc1—d2 h7—h6
26. Kph1—h2 Le6—e4?

Чёрные не заметили угрозы белых. Позиция упрощается ещё более в пользу Смыслова.

ЗАДАЧА

Составил А. Малышев,
г. Шарья, Горьк. обл.

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

СИБИРСКИЕ КЕДРЫ
БЛИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

Вблизи Ярославля, на левом берегу Волги, до наших дней сохранилась роща сибирских кедров.

Эти кедровые насаждения ещё в последней четверти XVI века на терри-

тории Толгского монастыря. Есть основания предполагать, что кедровая роща относится к числу самых древних не только в СССР, но и на всём земном шаре. Кедровые насаждения аллеей возле искусственного канала длиной в 280 и шириной в 9 метров.

Весной, во время половодья Волги, канал заполняется водой, которая остаётся в нём почти всё лето.

Стволы кедров не выше 25 метров, но у них широко развита крона и диаметр на высоте груди человека имеет от 1 до 1,5 метра. Деревья ежегодно дают по 700—800 шишек; на некоторых деревьях созревает свыше 2 тысяч шишек.

Известно, что в естественных насаждениях сибирский кедр даёт в среднем не больше 70—80 шишек на дерево. Обильное плодоношение Толгской кедровой рощи объясняется умелым уходом.

В саду бывшего Толгского монастыря около четверти гектара занимают кедровые посадки 1870—1880 годов. Их стволы достигают высоты в 20 метров при диаметре на высоте груди человека в 18—20 сантиметров. Они дают много плодов, но имеют менее развитую крону, так как густо разрослись.

«ПЯТИЭТАЖНОЕ» ОЗЕРО

На пустынных каменистых берегах острова, лежащего в одном из наших северных морей, находится небольшое озеро. Вокруг не-

го нет ни одного кустика, ни клочки зелёной травы.

Озеро имеет несколько метров глубины. Вода его разделена на «этажи»: в нём лишь разнородные слои воды, и каждый из них имеет свой цвет и своих обитателей.

Самый нижний этаж, «сплошной», состоит из сероводорода, убивающего всё живое.

Во втором этаже вода вишнёвого цвета. Эту окраску придают шаровидные бактерии, которые уничтожают поднимающийся со дна сероводород и очищают воду.

Выше живут треска, морской окунь, медузы, морские звёзды и другие представители морской фауны. Морские жители-пленики: они не могут опуститься вниз, так как им грозит смерть от сероводорода. Не могут они также подняться и вверх — в слой пресной воды. Экземпляры морских рыб, живущих в озере, очень изменились по сравнению со своими близкими сородичами — жителями моря: их окраска бледнее, и по росту они выглядят карликами.

В двух верхних слоях воды озера живут рыбы речных водоёмов. Жители верхних «этажей» тоже не могут опуститься вниз, в слой солёной воды.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» ШИШКОВИЧ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Объединение предприятий одной отрасли. 6. Вид простреленной войной. 7. Оборонительное сооружение. 9. Турецкий меч. 11. Кузнецкая улица. 12. Шаровый молот. 13. Мера земли. 15. Грунт. 16. Официальный документ. 18. Шахматный термин. 19. Лётчик высшего класса. 21. Домашнее животное. 22. Часть патрона огнестрельного оружия. 23. Город в СССР. 24. Обоз в пустыне. 25. Созвездие. 26. Остров из группы Алеутских островов. 27. Озеро в Америке. 30. Морской ярост. 32. Шеренга. 34. Зелёное укрепление. 35. Метриод в истории народа или человечества. 37. Стремительное нападение. 38. Метриод. 39. Молоток. 40. Город в Европе. 41. Городец, ставший столицей французских предателей. 42. Приток Дуная.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Совокупность прикладных знаний. 2. Русский государственный деятель, собиратель Руси. 3. Холодное оружие. 4. Часть столбчатой системы. 5. Военное соединение. 8. Место, где земцы приносили в жертву войну отшельные вещества. 10. Боевой клич. 14. Колосок войны. 17. След идущего следы. 18. Известный русский адмирал. 20. Воскр. восставшая раба в древней Греции. 28. Полуостров в Азии. 29. Высший чин во флоте. 31. Дипломатический представитель. 33. Подарок. 34. Спортивный термин. 35. Растительность. 36. Сорт пива.

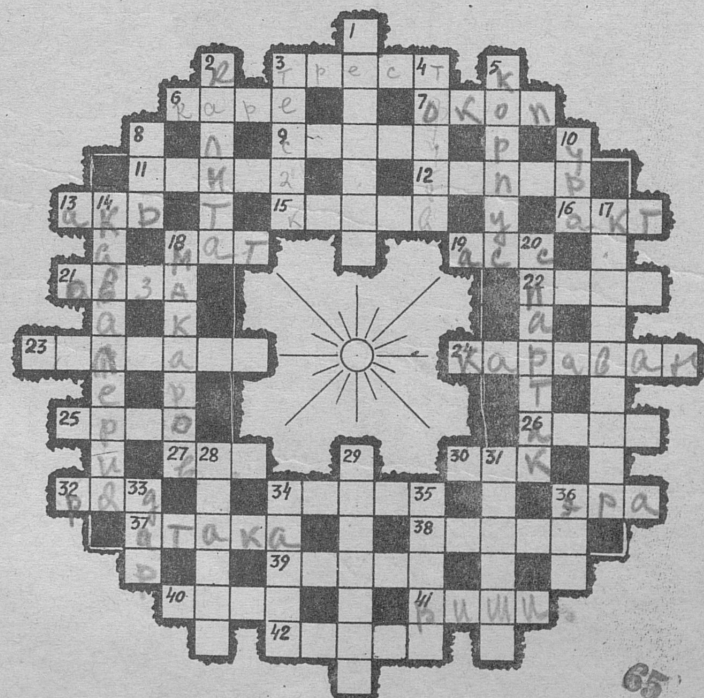
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 8 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Кутузов. 5. Пугачёв. 9. Орёл. 11. Рязь. 12. Кос. 13. Иа. 15. Грунт. 16. Акт. 18. Шах. 19. Лётчик. 20. Ар. 21. КВ. 22. Ля. 23. Ал. 34. Акт. 35. Кинематограф. 36. Балласт. 37. Милл. 38. Байдары. 39. Иа. 40. Тр. 42. Ох. 46. АМО. 48. Оса. 52. Лоб. 55. Або. 56. Ля. 57. Аналитик. 58. Иа. 63. Бор. 64. Мор. 65. Арык. 66. Соколотра. 67. Колоско.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Корзина. 2. Такт. 3. Зима. 4. Воронко. 5. Пантера. 6. Глиа. 7. ЧЛКА. 8. Ватутин. 9. Облик. 10. Ллойд. 14. Кет. 16. Мир. 21. Ренессанс. 22. Буря. 23. Ларина. 24. Италиа. 26. Анкара. 27. Охирин. 28. Орёл. 29. Алл. 30. Ал. 31. Як. 32. Рейд. 33. Ралл. 41. До. 43. По. 44. Цербер. 45. Ля. 47. Милитария. 49. Оборон. 60. Об. 51. Палермо. 53. Акт. 54. Барак. 55. Ира. 60. Пар. 61. Ямал. 62. Имам.

Гитлер.— Кар-раул! Пруті и всюду пруті

Рис. Бор. Ефимова.

1944 г.

П. АКТ 14-429/52